

ДИНА ДРОНФОРТ (ГЕРМАНИЯ)

ЛЕТО

"а шарик летит"
Б. Окуджава

Из всех оставшихся я буду помнить это,
воздушным шаром взвившееся, лето,
когда не ждал никто, нигде и никогда.
Искала номера товарища-расстриги
по исхудавшей телефонной книге.
На карте мира вычисляла города,
еще сулящие последнее начало,
и новый список грабель изучала
на горе лба, многострадальца моего.
Потери скорбно замуровывала в прошлом,
речей оттачивала осторожность
и фехтования на перьях мастерство.

Смотрело зеркало не девицей под чёлкой,
причудой подмосковного посёлка –
две тонны взгляда и Европы тридцать зим.
Но всё не в счёт, когда, распахнутые в солнце,
дразнили летних месяцев оконца
и купидон из тучки пальчиком грозил.
Его намёк, однако, был не очень ясен –
я состоялась в каждой ипостаси,
сполна исчерпан мне назначенный удел.
Жара стояла, боги мешкали, решая
как быть с моей судьбой... А в небе шарик,
всё голубее, в неизведанность летел.

ВРЕМЯ БАГРЯНОГО ЗВЕРЯ

Что за громá сотрясают и почву, и дом?
Кем он запущен – последних времён метроном?
Прут за прутом золочёную клетку куют?
Не пожалеть бы, как пращурам в Божьем раю.

Время – испуганных и бессловесных, когда
до горизонта не сыщешь свободного рта,
Редкого зрячего гонят слепые толпой –
Время разлома небес между мной и тобой.

Прахом основы, незыблемый камень начал,
истина множится кривдами лживых зеркал.
Смертная кучка безумцев возводит мирок –
кто им сказал, что управятся лучше, чем Бог?

Время – за чипсами зрелищ реальной войны.
Планов на десятилетия, а дни сочтены.
Время сбываться сакральным пророчествам книг.
Рокот грядущего – испепеляющий рык.

ПОЭТ РОССИИ

Француз слагает песнь французской булке
и площадкам, неумытым со вчера,
огням кафе в дождливом переулке
и дыму сигареты до утра.

У немца мирно тикают по кругу
стихи без слов. Он всю неделю ждёт,
как чинную немецкую подругу
воскресным утром в церковь поведёт.

Испанца волоокая девица
бросает из седла в чечётку слов.
Такое скандинаву только снится
и верится, что это про любовь.

А наш славянский царь лесов и топей
какой виной извечной виноват?
В похмелье битвы истин и утопий
то рушит небо и возводит ад,

то заново мостит ступени строчек,
полночным часом верует в рассвет,
клянёт, благословляет и пророчит –
тобой живет, Россия, твой поэт!

АННА ЛИСКЕ (РОССИЯ)

СНЕЖНЫЕ НОТЫ

В медном золоте веер ветвей
 Безупречно вчekanенный в вечер,
 В жёлтых косах немых фонарей
 Танец снега ложится на плечи.
 В белом шёлке туманных октав
 Разблелась луна в маске гатто,
 Ангел грусти, её не узнав,
 Плакал жалобно, как щенята.
 Ночь во фраке - она дирижёр,
 Начинает симфонию Брамса,
 Звёзды в вальсе на бале "ста жён",
 Окропили своим преферансом.
 Я лицо подниму к небесам,
 Чтоб касалось и таяло счастье,
 Красоте молчаливой отдам
 Стихотворный восторг сладострастья.

ОСЕННИЙ КРЮШОН

Сапфировый фагот, звуча, коснулся ночи,
 Фужеры-фонари токкатой золотой
 Поили совершенство в алькове непорочно,
 В листве зелёных рюш осеннюю порой.
 Дыхание луны, как мякоть в мягкой тени,
 Устами темнота рябиновых помад,
 Целуя вдохновенье, цвет сентября в поэме,
 Холодными губами тревожит листопад.
 Канкан кругами юбок расходится водою,
 Театр тишины под занавесом грёз,
 Поэт и шушуны в бреду бредут тропею —
 Осенних аллегорий не выстраданных слёз.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Время заснуло во взгляде
 Под бархатом чёрных ресниц,
 Турция в улиц наряде —
 Хиджабах пестреющих птиц.
 Задумчивость старого турка,
 Как будто тоска моряка,
 Пленительны кофе и трубка,
 Легенды в руках старика.
 Стук бусин о ядра друг друга,
 Пьянящая пряность от трав,
 Напольных кальянов фигура,
 Цветная мозаика приправ.
 Орехи, чалмы, благовонья,
 Ковры, украшения, нуга,
 Одежды, посуда... Колдунья
 Танцует в шатре и в шелках.
 Синь неба стамбульского мира
 Здесь падает эрой на грудь,
 В сапфировых звёздах София,
 Византий и Шёлковый Путь!

ИВАН ЗЕЛЕНЦОВ (ГРУЗИЯ)

ЧЕРНАЯ РЕКА

Ты черная холодная река, которая течёт издалека, из детских грез, из щедрых тех краев, где синевой наполнен до краев небесный свод и опрокинут вниз, на роши, где пылают барбарис, где розы и гардении в цвету так пахнут, что дышать невольно, змеится хмель и зреет алыча... О чепухе с кувшинками журча, с плотвой и щукой споря, кто быстрее, ты ожидала ласковых морей, но в край другой вбежала налегке, где у зимы в железном кулаке томится мир, и ночь длиннее дня. И здесь ты вся — обман и западня. Порогов бурных острые рога, коварный нрав, крутые берега, сухой камыш, одетый в ожеледь... Согреть тебя, согреть и пожалеть хотелось мне. Вот так я и погиб — когда влюбился в каждый твой изгиб, когда безумный, пьяный, сбитый влёт, я выходил гулять на тонкий лёд, и этот лёд ломался и трещал, когда я, слышишь, все тебе прощал, когда в тебе тонул я и когда меня сжигала темная вода, когда сказал я, погружаясь в ил, "люблю тебя" и в легкие впустил. Не бойся, мне не больно. Я на дне, но я в тебе навек, а ты во мне. Твой путь так труден, долог и непрям. Беги скорей, беги к своим морям.

ЯБЛОКИ

отцу

Словно белые-белые ялики,
в синем-синем плывут облака.
С яблонь падают красные яблоки,
переламывая бока.
Окрыленное птичьим окриком,
легкой музыкой из окон,
хочет яблоко белым облаком
стать, ньютонов поправ закон.
Хочет пасть, будто в пасть Везувия,
в пропасть синюю поутру.
Ну, а яблоня, как безумная,
машет ветками на ветру.
Только разве укроешь листьями,
это яблоко от дождя?
Правит осень, шажками лисьими
в облетающий сад войдя,
в каждой черточке мира явлена,
льет туманы, как молоко.
Пало яблоко, но от яблони
не укатится далеко.

Звезды осенью обесточены.
Так темно, словно смерть близка.
...То ли в яблоке червоточина,
то ли просто тоска, тоска,
то ли просто душа разграблена,
иней выступил на жнивье.
Не печалься об этом, яблоня.
Скучно яблоку гнить в траве.
Сдюжит, вытерпит злое времечко,
продувной и промозглый век.
Прорастет золотое семечко,
новой яблоней дернет вверх,
чтобы к белым своим корабликам
ближе стать хоть на полвершка...
...И с нее будут падать яблоки,
переламывая бока.

Элегия

...И вновь в осенней маешься тоске,
и мертвый лист летит, сорвавшись, мимо
напомнить — все висит на волоске,
все, что тобой так искренне любимо.
Тебе, тебе который мог посметь
счастливым быть, о прошлом не жалея,
в конверте желтом шлет открытку смерть.
Октябрь, куда ведут твои аллеи?
Покуда ветры набирают прыть,
трепещешь, словно тонкая осина.
Как в чистом поле ветками укрыть
свой хрупкий космос — женщину и сына?
Таким нездешним холодом сквозит
так горек запах сырости и тленья,
что ныне вся душа твоя - транзит
от Бога до стихотворенья.

СЕРГЕЙ ХАЗАНОВ (ШВЕЙЦАРИЯ)

<p>МОЕ ПОКОЛЕНИЕ</p> <p>Это ловушка, брешь или клапан? Словно коты с раскаленной крыши Мы удираем на Дальний Запад И на Восток, бесконечно ближний.</p> <p>Лавой кипящей течем по свету, Ищем триумфы, находим тризны, Все мы — лакеи, вруны, поэты — Дети застоя и прочих — измов.</p> <p>Все языки на Руси великой, Богом науськаны или Чертом — Едут тунгусы, финны, калмыки, Некуда только славянам гордым.</p> <p>Гонит нас кнут, или пряник манит? Кто пожалеет нас, кто осудит? Все мы — евреи, немцы, армяне — Здесь до могилы русскими будем.</p> <p>Юность осталась там, за порогом, Как велика за прозренья плата, Мы обрели бесконечно много, Но и не меньше наши утраты.</p>	<p>НЕЗАВЕЩАННОЕ</p> <p>Спасибо жизнь за всё, за эту старость, Где книги, звезды и заросший сад, И память обо всем что мне осталось — Январский зной, июльский снегопад.</p> <p>За завтра, где смышлен хотя и молод, И дням счастливым не видать конца, И дети юны и послушны снова, Внимая знаку каждому отца.</p> <p>За прошлое поклон, за эту милость Слова ценить не меньше чем дела, За ту любовь, что к счастью не случилась, За ту, что прямо к счастью привела.</p> <p>За радость, что с бедой делила ложе, За строки, что витали между строк, За лишний день, что всех былых дороже, Фортуною подкинут на порог.</p> <p>За миг, что растянулся на два века, За лжи бальзам и откровений яд, Там явь как сон. Там ночь, фонарь, аптека, Там книги, звёзды и заросший сад.</p>	<p>SOUVENIRS</p> <p>Жизнь бесконечна, сроки наши кратки, Как ни крутись, но на исходе дня Одни воспоминания в остатке, Единственная собственность моя.</p> <p>Металл, что ни мехов, ни ожерелий, Ни хлеба, ни лекарств и ни воды, Ни табака, ни крыши, ни постели Не купит. Не укроет от беды.</p> <p>От лести вялой, дружеских наветов, Навязанных и вождельных пут, От яркой тьмы, зияющего света Воспоминанья, к счастью, не спасут.</p> <p>Вдову не обнадежат, гор не сдвинут, Старения не знают и конца, Зато подобно драгоценным винам В цене растут по дням и по сердцам.</p> <p>Судьба взывала шепотом, набатом, Но глух и слеп был к истинам благим: Лишь тем богат, что раздарил когда-то, И жив, покуда памятен другим.</p> <p>Жарой февральской, августом морозным, Через мечты, эпохи и моря Воспоминанья, как любовь и воздух, Единственная собственность моя.</p>
---	--	--

ОЛЬГА СУЛЬЧИНСКАЯ (РОССИЯ)

СУХАРИ

Ты мне чёрных, — писал он, — пришли сухарей,
 Лучше чёрных пришли сухарей.
 Обо мне не горюй, а себя пожалей,
 Так писал он, себя пожалей.

Да нарежь подлинней, будет в кружку макать
 Их сподручней, удобней держать.
 А посылку сама не подписывай. Мать
 Пусть подпишет, нельзя рисковать.

Я доволен судьбой, он писал, я с тобой
 Счастлив был, я доволен судьбой.
 Не грусти, если вдруг не случится вестей.
 Обнимаю тебя и детей.

Это дедушка мой моей бабушке так
 На бумаге со штампом «Табак
 Средневысший» писал в середине зимы.
 Осужденный писал с Колымы.

КАНУН

Служба. Верхний свет погашен,
 Но свечами полон храм –
 И при них тебе не страшен
 Круглый космос по углам.

Словно ты вошел с изнанки
 В ель: в утробу Рождества.
 Скоро будет – снег и санки,
 Праздник, пряники, халва!

В полный голос встанет клирос,
 Оживет иконостас,
 И пошита навыворот
 Жизнь придется в самый раз.

Среднерусские сумерки. Дачи.
 Сноп жасмина за каждым забором.
 Ничего не могло быть иначе,
 И не мучай себя этим вздором!

Между лесом и небом потерял,
 Слышишь, где-то на дальнем участке,
 Спотыкаясь, подвыпивший тенор
 Вспоминает о счастье?

Не зови себя именем жажды —
 Реки ходят незваными в гости.
 И кого мы любили однажды,
 Будут с нами и после.

И нигде не случилось ошибки.
 И уже никогда по-другому.
 Дождь шуршит, и речные кувшинки
 В темноте подбираются к дому.

ВИКТОРИЯ СОКОЛОВСКАЯ (БЕЛАРУСЬ)

Листья скрывают твою наготу.
В анабиозе свет.
Он лишь в тебе обретает ту,
Лучше которой нет.

Он, искушённый тобою, простил
Где-то давным-давно.
Он бы... и сам тебя угостил.
Третьего не дано.

Он понимал, что в бесстыдстве твоём
Есть и его вина –
Ты из ребра его мудрым огнём
Жизни сотворена.

Он не забыл, возвращаясь к мечте
В мыслях, поступках и снах,
Как ты прекрасна в своей наготе
С яблоком спелым в руках.

ЯБЛОКИ

Зимний холод, осень провожая,
выстудит однажды летний сад...
Но пока, в преддверье урожая,
яблоки зелёными висят.

Солнце припекает сердобольно,
на плоды обрушивая страсть.
Кто-то нашептал им: «Падать больно»,
и они мечтают не упасть.

Ветер окрыляет листьев стаю,
вдохновляя взвиться в высоту,
а они трепещут, не взлетая,
охраняя яблокомечту.

Под ветвями, как под образами,
схоронясь в преддождевой пыли,
яблоки зелёными глазами
меряют расстоянье до земли.

ФРАНЦУЗСКОЕ

сплетенье улиц – маленький париж.
залиты солнцем все дома округи.
за окнами мелькает чёрный стриж
и циркулем-хвостом выводит дуги.

в прозрачной синеве застыл намёк
на тишину, растраченную всею.
мой год неизлечимо одинок.
мой город оживает в поцелуе –

в слиянье губ небес и площадей,
реки и облаков, дорог и лета,
в соприкосанье улиц и людей,
подножной пыли и частичек света.

СВЕТЛАНА СОФРОНЕНКОВА (РОССИЯ)

НЕ ХОДИ

Закружило спиралью молочное кружево,
 Не ходи ты домой по дворам.
 Заморочили голову, сердце завьюжили
 И разбились на слоги слова.

Над клыками домов, что ощерились окнами,
 Нависает луна, как палач.
 Ты идёшь по дворам, и снежинки иголками
 Рассекают осенний твой плащ.

А слова всё летят, и за ветром мерещится,
 Что зовут тебя к чаю домой.
 И сливовый пирог дожидается вечера,
 И отец за столом, как живой.

Домофон, замороженный зимним касанием,
 Отзывается тихим «сынок».
 Ты бежишь по ступеням за голосом маминым,
 Преступаешь родимый порог.

Не ходи по дворам, твоя память изменчива,
 Тех дворов здесь уже не найти.
 По щекам побежали слезинки, как трещины.
 Не ходи, не ходи, не ходи...

Обступили дома, как собаки голодные,
 Ты лежишь посреди пустыря.
 Где-то в прошлом в квартиру ворвался знакомую,
 Где-то мать обнимает тебя.

ЗВЕРЬ

Пожалуйста, забудь про Смерть.
 Её здесь нет, в квартире двое.
 И день сгорел уже на треть,
 По расцарапанным обоям

Скользят уставшие лучи
 Когда-то ласкового солнца,
 И мы, теперь уже ничьи,
 Скользим, устав за жизнь бороться,

Кроватью между и столом,
 Готовим суп, звоним кому-то.
 Будильник с треснувшим стеклом
 Уже повёл отсчёт минутам.

Пожалуйста, не слушай Смерть,
 Смотри кино, читай газету.
 Ты не посмеешь умереть,
 Непрожитым оставив лето.

И к вечеру заварить чай,
 И будешь пить из старой кружки.
 В дверь позвонят — не отвечай,
 Никто тебе сейчас не нужен.

Но ты идёшь, звенишь ключом,
 И я кидаюсь между вами...
 Ты ведь не знаешь ни о чём!
 Там Смерть, за этими дверями.

И дыбом шерсть, спина дугой,
 И зверь кидается на Зверя...
 Ты смотришь в коридор пустой:
 «Похоже, что ошиблись дверью».

Пожалуйста, не плачь, друг мой,
 Прости, десятой жизни нету...
 Однажды встретимся с тобой,
 И ты расскажешь мне про лето.

БУМАЖНЫЕ АНГЕЛЫ

Если жизнь лишь бумажка, каких миллионы,
 Не закладывай ею страницы альбома,
 Не пиши на ней в спешке товарные знаки,
 Не сминай, как ненужный билет.
 Не отдай на потеху голодным воронам,
 Не швыряй под ботинки воров и законам.
 Нарисуй на ней красные гордые маки
 И проснувшийся только рассвет.

Если жизнь лишь бумажка — сверни оригами,
 И бумажные ангелы станут вдруг... нами.

АЛЕКСАНДР БЫСТРОВ (РОССИЯ)

АФАНАСИЙ

Афанасий шёл по полю, торопился, в думах весь:
«Зря болтают люди, что ли, будто край у поля есть?
Будто бы - молочны реки и кисельны берега,
Будто бы - недолго ехать и недолго запрягать,
Будто - воля, конь казацкий, ладный домик и уют,
Надо только оказаться там, на самом на краю».

Через кочки, через ямы, сквозь крапиву-лебеду
Афанасий шёл упрямо и твердил: «Дойду. Дойду.
До зарезу, братцы, надо поглядеть одним глазком».
Афанасий семь раз падал, восемь - проползал ползком,
Продирался сквозь лишайник, сквозь густые ковыли,
Семь чертей ему мешали, восемь пастырей – вели,
Семь ночей – с пути сбивали, восемь звёзд – лучину жгли,
Семь смертей – одолевали, восемь жизней – берегли.

Эта русская забава – умирай да оживай.
Не налево, не направо, а вперёд, на самый край,
Шёл по полю Афанасий.
Семь на восемь. Восемь на семь...

МУЗЕЙ

*В воскресный день с сестрой моей мы вышли со двора.
- Я поведу тебя в музей! - сказала мне сестра.
Сергей Михалков*

В Египте не сочтёшь людей и не сочтёшь дорог.
Одной из них в воскресный день к евреям шёл пророк.
Он проповедовал и шёл, и больше – ничего,
но проникала в каждый дом святая речь его.
- На свете, братья, место есть, где - мир и благодать,
мечтаю я пойти в музей и вас туда забрать.
Вставай, потерянный народ, очнись от жизни сей,
я поведу тебя в музей! - воскликнул Моисей.
Евреи встали, взяли скарб, щепоть родной земли,
запас еды на сорок лет, вздохнули и пошли. . .

В воскресный день, в такой-то год, как летопись гласит,
поляки шумною толпой болтались по Руси
и разоряли то амбар, а то обоз с треской,
тут подошёл случайно к ним крестьянин костромской.
- Панове, так заведено, что дорогих гостей
первейшим делом на Руси всегда ведут в музей.
Обычай надобно блюсти, давно на том стоим,
«и я вас поведу в музей», —сказал крестьянин им.
Поляки спели «Отче наш», поцеловали крест
и за крестьянином пошли в непроходимый лес...

Года, как волны по реке, торопятся, бегут,
а старый лодочник, один, сидит на берегу.
Вот, человек пришёл к реке, не зная почему.
- Я повезу тебя в музей, - сказал старик ему.
- Я всех в музей вожу с тех пор, как здесь течёт река,
и за провоз беру всего два медных пятака.
Слаб человек. В земную жизнь впервые сделав шаг,
к искусству тянется его заблудшая душа.
Еврей ли, русский ли, поляк, от века всё одно -
идёт, когда его ведут в музей,
в театр,
в кино...

РУКИ

Под рубашкой не носит крест
и свинины совсем не ест,
пахлава и плов - на столах,
не Христос у него – Аллах,
и не храм у него – мечеть,
и полдня до него лететь,
мы живём, проходя круги,
в разных землях, мирах других.
Мы — различны, различны с ним,
а похожи всего одним —
невзирая на сто причин
наши руки не отличить.

Наши руки, как двойники,
некрасивы, сухи, жестки,
от цемента и от воды
так шершавы и так тверды,
что, бывает, стыдишься их,
неухоженных рук мужских.

Но веками везде вокруг
миллионы таких же рук
кров, тепло, красоту, уют
сотворяют и создают.
И у них не бывает ссор,
свой язык и свой разговор,
свой закон и обычай свой,
не бывает меж ними войн,
и для них во все времена —
бог один и земля одна...

А сегодня товарищ мой
улетит в дальний путь домой.
Мы простимся обычным днём.
Просто руки пожмём.

СЕРГЕЙ БУРТЯК (РОССИЯ)

ПИТЕР

I.

Ты ночуешь на Невском проспекте, в доме сто два, у тебя под боком почему-то греческий ресторан. Вернее, таверна у низкой глубокой арки. Слова отдельные [как водится у некоторых людей и стран] отражают традицию, стиль, но почти никогда - суть. Таверне как будто бы место не очень здесь, скорее у тёплой бирюзы Икарийского моря. Тут понятней был бы трактир.

Но захочешь есть - зайдёшь куда глаза приведут или нос. И вдруг узнаешь: повар у них - этнический грек. В зыбкой осени проявляется новый приморский друг. Нет, не шеф, его самого не увидишь вовек. Или всё же увидишь, но вряд ли узнаешь точно, что он. Не он ли курит у чёрного хода таверны порой?.. При этом выглядит как монах священной горы Афон. [И ты забавляешься этой замысловатой игрой.]

Девочка-официантка приехала из пригорода Афин. Комбоскини на тонких запястьях, взгляд непохож на наш; смотрит как птица, или может дельфин. [Эт ты конечно ляпнул сейчас не подумавши, невпопад.] Говорит с красивым акцентом, по-детски радуется всему, что хоть немного напоминает о южной родной земле. Например, тебе - тому, кто подбрасывает метафоры не уму, но сердцу, мерцающему в яркой питерской полумгле.

Ждёшь заказа, смотришь кино. Санторини, Салоники. Рай. Почему последний вечер в Питере проводится так? За окнами на Невском искрится дождик. Перебирай дни, проведённые на Неве что чётки - ты в этом деле мастак. Красная мозаика Маяковской, деревянная набережная, залив. [Финский наверное, или как это называется там...] Крестовский остров, Малая Невка, Губа. Кофием сон залив, заражался утренней пасмурностью небес, улыбался мечтам.

II.

По улицам, переулкам, дворам, мостам-каналам бродил? Бродил. Под носом майора Ковалёва стоял? Стоял. Дебил - придумал традицию: стоишь под носом тринадцать минут - если на голову капнет, значит всё будет гуд. Утром в «Четвероногий вороне» не было совсем никого, даже бармена. [Хотя, рюкзак на стойке, открытое пиво, ключи...] Со стены на тебя сурово смотрел Даниил. Ты любишь его, потому и простил настороженность к чужаку. Скачи.

Исаакий, Казанский, Зимний, Смольный, кофейня «Сова», Петропавловка, Васильевский остров, ярмарка непривычной еды, случайная книга, «Подписные издания», букинисты, слова, слова... Много замершей музыки, много зеркально-стальной воды.

На прощанье сказал гречанке: Москва — это дом. Экспресс звёздно-ночной, выкрашенный в тёмно-синюю карту небес. Приветливая харонша, хмурые попутчики. [Будет ранний отбой.] Петербург — тоже дом. Теперь тоже дом. Другой.

III.

До свидания, Питер. Прощайте, Невский проспект сто два, парадная-штопор, винно-бордовый кирпич стен. Это — всё. Тебя, как всегда, не ждёт никакая-такая Москва. Она никого не ждёт, увы, она исключительно с тем, кто любит не сердцем, скорей увесистым кошельком, кто любит деньги больше, чем Набокова и города. Колокола там давно уже не станут звонить ни по ком, кто за это не заплатил. [Впрочем, всё это ерунда.]

Приложи «подорожник» к ожившей в гостях душе, которой теперь уже не обязательно умирать. Прощание с другом... [Проникло-таки в стихота клише...] И вдруг почувалось ясно: а ведь не обязательно выбирать...

Твой клон [или скучный оригинал] умчался в свою Москву... Лает фальцетом далёкая чайка. С плеском течёт судьба. Свежий балтийский ветер несёт сквозь тебя листву. Теперь ты здесь навсегда. [Жить. Хулиганить.] Ночевать на Невском сто два.

ПО ДОРОГЕ В СЕРГИЕВ ПОСАД

Сидишь в электричке, мелькают люди, собаки, дома и снег, встречные рельсы и шпалы, деревья, составы и провода. Этот привычный [и всегда непривычный] сидячий бег по свету [намекнул недавно поэт] поважнее иного труда. Такие поездки — словно бы небольшая эскизная смерть. Из раза в раз. Особенно если пилигримничаешь один. Вспоминаешь всякое, стараясь как можно больше успеть вспомнить — от первых игрушек до непривычных седин.

Всю жизнь репетируешь неизбежную иммиграцию в никуда. Точнее в «куда-то» [известное исключительно кое-кому], куда не летят самолёты, не ходят машины и поезда, где место только душе... [её мы не знаем, ладно...] уму. Туда, где он, мы уверены, гораздо нужней, чем здесь, туда, где, нам кажется, невозможны ни грязь, ни грусть, где ничего не решают здешние наши нахрап и спесь, где конечно же не бывает злобы, а всё остальное — пусть.

Покачивается [подобно толстому мультяшному волку] вагон... Стучат тяжёлые метрономы квадратных литых колёс... Гадаешь, кто из попутчиков твой личный Вергилий Марон... Найти и поговорить, чтоб куда-нибудь не туда не завёз... [Всё мутней и тревожнее...]

Думаешь о каком-то другом «потом», где репетиций уже не будет, а если и есть похожий Посад, то он не поможет справиться [ни молитвою, ни постом] с отчаянием — потому что нет там даже подобия Лавры. Ад скорее всего похож на мир за этим слегка запотевшим окном, разница только в том, что ничего уже нельзя изменить, и последняя электричка может стать твоим бесконечным сном.

Просыпаешься. [В такие моменты особенно хочется закурить.] Проезжаешь Хотьково, смотришь на золотые сосны и купола, реку шоссе, вереницы машинок, стрелки на старых часах. Потирая неловко пальцами щёку, шепчешь: «Была не была... Отче наш... Сущий на небесах...»

АННА МАРКИНА (РОССИЯ)

За городом, за кленами
Такая бирюза,
Природа воспаленная,
Как мамыны глаза.

Бывало, что работали:
Читали все подряд,
Но вот они, но вот они
За кленами горят.

Все мается, все шаткое,
Они следят весь день,
Как будто просят: «Шапку-то...
Ты шапку-то надень».

Спасут как будто что-нибудь,
Они, следя за мной...
Отрезок неба тоненький.
И голос за спиной.

Где нет — там больше прочего болит.
Вот дерева безрукий инвалид
В окне моем за белоснежной рамой —
Как брошенный ребенок, в стороне,
Как нищий, ждущий милости у храма...
Не я ли это дерево в окне?

Не я ли там, любившая сквозь тьму:
Что кинут мне, то бережно возьму —
Соломинку, ледышку, слово, камень.
Как холодно, как страшно, как темно
Тянутся отсеченными руками
К тому, что от тебя удалено!

Да, было света мало со двора
Какому-то владельцу топора:
От темноты тебя он покалечил...
Но верю — будет день, увидит он
Однажды, как стоишь, расправив плечи,
Качая на руках пасхальный звон.

под прикрытием трав убегают река
дождь грохочет стрельба боевая
по планете по всем ее материкам
кто стреляет по людям моим мотылькам
кто боярышник им подливает в стакан
как бесстрашно его выпивают

с бутербродом заветренных масляных букв
белый мякиш центральных каналов
и повесточный миксер взбивает фейсбук
до белкового пика до поднятых рук
и стесненные шумом на солнечный звук
улетают седые журналы

и сидишь ты такой над текучей Окой
по тебе этот дождь тоже бьет
и все кажется медленной грязной рекой
за которой нет правды уже никакой
над которой развешено чьей-то рукой
перепачканное бельё

инфоливень гудит инфоливень идет
и весь мир пеленой занавешен
ты под ливнем спокойно сидишь идиот
потому что твой взгляд обращенный вперед
белоснежную правду еще узнает
в облаках и цветенье черешен

ЕВГЕНИЯ ДЖЕН БАРАНОВА (РОССИЯ)

И я к тебе испытываю страх,
как мошкара в электропроводах,
но выдох-вдох — и гаснут разговоры.
Был робок снег, тепла его кровать,
латиняне готовились страдать,
диванные войска хранили Форум.

Но что мне до, когда нелепа мгла,
когда в тебе шевелится игла —
расплескивает солнце по винилу.
Игрушечный бездарный режиссер,
смотрю на эту музыку в упор,
не замечая конников Аттилы.

Когда мы превратимся в имена,
от пены дней останется слюна,
от цезаря — салат или могила.
У наших храмов призраки звенят,
расстрелянных приводят октябрат,
но смерти не бывает, я спросила.

РОДОСЛОВНАЯ

Один погиб, другой расстрелян,
седьмой за хлеба воровство
пострижен наголо. В постели
не причащали никого.

Татары, русские, евреи
рыдают, охают, скрипят.
Бредет по матушке Емеля
глазами в ад.

А я тут что? Хромой излишек?
Меня не ездили плетьюми,
не жгли допросами. Кто выжил,
тот обзаводится детьми.

И вот я существую. Хрупкий
неразговорчивый тростник —
ловлю в стакане сухофрукты,
давлю гармонию из книг.

И вот я женщина (морщины),
я еду к тридцати шести.
Какой остаток звездной тины
мне полагается смести?

ГОЛУБИКА

В желании сродниться есть тоска,
недвижная, как тело языка,
когда его касаются стрихнином.
Так ледоколы мнут рубашку льдин,
так ищут дочь, так нерожденный сын
скользит над миром пухом тополиным.

Мне так невыносимо, так светло,
я так роняю каждое «алло»,
что, кажется, прошу Антониони
заснять всё это: кухню, стол, постель,
засохший хлеб, молочную форель
ко мне не прикоснувшейся ладони.

И если говорить начистоту,
то я скорее пламя украду,
отравленную выберу тунику,
чем буду улыбаться и смотреть,
как мальчишки, идущие на смерть,
на небе собирают голубику.